

У надежды есть шанс

Уходила вдаль, исчезая за горизонтом, бурая полоска земли. Хотя, наверное, даже таким невыразительным оттенком назвать субстанцию, уныло крошившуюся под ногами, было сложно. В природе прежде не существовало таких цветов – безлично серых, точно смешанных с грязным пеплом. Скрываясь тут и там за пыльной порослью чахлого кустарника, она словно была скована подступавшими с двух сторон голыми ребристыми скалами. Атикин не знал другой земли – ароматной, мягкой, теплой наощупь, буйной чернотой просачивающейся сквозь пальцы, если набрать полную горсть. Той, в которую ступня погружается по щиколотку, если идти по свежей пашне, воздушной, будто пуховая перина. Вернее, не то, чтобы Атикин совсем ее не знал...

Где-то далеко, в глубине сознания, моментами становясь капельку ярче, жили клочки обрывочных воспоминаний: утопающая в зелени дедушкина дача, сочные грозди ярко-фиолетового винограда, пестрые цветы на одной клумбе вперемешку... Но он, кажется, был совсем малыш тогда и мало что помнил. Только лишь дачные яркие сюжеты изредка всплывали в памяти, словно прощальный привет из вчерашнего дня, которому уже не суждено повториться. Поэтому обычным делом были и серо-бурый песок под ногами, и грязно-зеленые листья чахлых растений, и плотный багряный воздух, вдыхать который легко удавалось разве что ранним утром. К вечеру и Атикин, и его родители то и дело заходились кашлем – сухим и надсадным, протестующим против едкой атмосферы. Да и дом, обустроенный в словно специально выщербленной в скале впадине, стал Атикину самым что ни на есть родным. Дома отчего малыш почти не помнил. Хотя во снах иногда являлись мальчику странные, словно подбрасываемые из закоулков памяти картины: залитая солнечным светом комната, любовно застланная чем-то голубым кровать, игрушка с мелодичным звуком прямо над головой. Как - будто это все было с ним когда-то. Но где и когда – малыш не знал. Атикин просыпался в своем уголке, таращил изо всех сил глаза, силясь рассмотреть в полумраке очертания ложа родителей. Сработанная из необтесанных бревен и листа фанеры, она была для него в ночи спасительным ковчегом, оплотом среди потока неизвестности, царившего вокруг него и его семьи. Наконец увидев, что искал, Атикин засыпал умиротворенно.

Утром, просыпаясь от манящего запаха еды, Атикин торопился. Как не стремился малыш проснуться пораньше, родители всегда опережали его: отец уходил добывать пропитание

или возделывать огород, а у матери был уже готов дымящийся завтрак и спорились в руках хозяйственные дела. Между тем, Атикину нужно было еще умыться, позавтракать, обнять маму. Столько дел находилось у этого непоседы! И потом опять спешить, спешить... На рыбалку с отцом, наловить мелочи к обеду. В мутной речушке, спускающейся к ущелью с отлогих молчаливых гор, водилась проворная мелкая рыбешка. Атикин, по примеру отца, изловчился выуживать ее руками. Затем, после удачной ловли, путь его лежал в самолично выстроенное убежище - шалаш в зарослях кустарника. Там мальчика ждали верные друзья – тряпочные и деревянные человечки, рассаженные по углам, оживали в фантазиях хозяина. И вот они уже – одна команда, разбойники Дальнего леса, пираты, воины, отражавшие нападение вражеской армии. Атикин часами пропадал в своем шалаше, фантазируя и полностью погружаясь в мир выдуманных баталий. Лишь ароматный запах готового кушанья отрывал мальчика от увлекательной игры. Возвращался Йескела, и семья приступала к еде. После обеда, когда мама, закончив дела, устало проводила рукой по лбу, Атикин знал: пришло его время. Усевшись рядом с матерью, он неутомимо и жадно внимал ее словам. Иногда мама что-то чертила на земле, порой писала мелом прямо на испещренных морщинами скалах. Вечерами возвращался из Дальнего леса отец. Поужинав, он сажал Атикина на правое колено, раскачивал вверх-вниз, рассказывая какую-нибудь небылицу. Или все вместе они отправлялись на прогулку. Спускались, не торопясь, вдоль скалы к реке, огибая законную гордость Анири (так звали мать Атикина) – возделанный огород. И весело проводили время за игрой в мяч, либо попросту отдыхали на серой, поросшей молодой чахлой травкой земле. Дальше этих мест Йескела им ходить не велел. Даже если мяч откатывался в опасную близость нависающих крон грозных деревьев, Йескела приносил его самолично. Отец Атикина уверял: в Дальнем лесу промышляют дикие звери. С опаской взирая на темнеющий в закатных лучах лес, Атикин с радостью возвращался в родную пещеру, где Анири зажигала лампу, а Йескела, плотно закрыв дверь, начинал рассказывать сыну очередную историю. Атикин проваливался в сладкий, не обремененный печальными думами сон, а Анири осторожно приглушала в настольной лампе чуть подрагивающее пламя.

Рассказы Йескелы.

Сказать просто, что Атикин их очень любил – значило ничего не сказать. Редкий мальчишка с таким рвением отправлялся вечерами в постель. Но для Атикина лечь в постель означало погрузиться в чудесную тайну, полную приключений и волшебства. Так здорово было лежать, укрывшись до подбородка, наблюдать за отсветами пламени на стене и

слушать, слушать, слушать. О том, как когда – то вокруг было много людей – так много, что они строили многоэтажные дома, чтобы только уместиться. О городах и селах, автомобилях, самолетах, космических кораблях... О том, что он, Атикин, имел бабушку и деда, да настоящего кота в придачу, которого возил за хвост по полу, а бедняге приходилось все это терпеть... Кот был рыжим, с янтарными блюдцами-глазами, а бабушка носила очки. Он с замиранием сердца слушал о разных устройствах – газовых плитах, чтобы удобно было варить обед, утюге для глажки одежды, лодке с мотором, на которой можно было бы за минуту переплыть их речку. О том, что ребята раньше ходили в школы и детские сады. И существовали даже, ох, как их там - парки, а в них – разные веселые карусели. Колесо обозрения, американские горки, комната страха... Йескела рассказывал о телевизоре, в котором – о чудо – быстро сменялись картинки-кадры, выстраиваясь в мультики и передачи. О компьютере, который мог решить любую задачу, да и вообще мог много всего.

Но больше всего Атикину нравились рассказы об игрушках, которые у него, оказывается, тоже когда-то были. Не верилось прямо, но у него был собственный велосипед – голубой трехколесный – и целая куча машинок под кроватью. Причем машинки эти, говорил отец, весьма отличались от его теперешних, тоже, правда, неплохих. Атикин, имея в своем арсенале выструганный отцом из дерева грузовик, паровоз с парой вагончиков, с удовольствием внимал: были у него и экскаваторы, и яркие, красочные гоночные машинки, и подъемный кран, и даже мусоровозка. И, представьте себе, огромная железная дорога на всю комнату, с переездами, шлагбаумами, станциями, выпускающими настоящий пар локомотивами и прицепными вагонами, куда можно посадить маленьких игрушечных человечков. Там был и вагон-ресторан со столиками и посудой, и стульчиками, за которые так весело усаживать пластиковых мальцов.

Каждый вечер Атикин настойчиво требовал от Йескелы новую историю, и отцу ничего не оставалось, как начинать новый рассказ. Говорил он слегка приглушенно, медленно, словно тщательно подбирая слова. Подчас он заканчивал, когда Атикин уже сладко спал, и, достав из кармана скрученный в трубочку высушенный табачный лист, выходил за порог. Лежа с полными слез глазами, ждала его в постели Анири. Она почти ненавидела эти рассказы. Но знала: сыну они нужны. Несмотря ни на что, он должен знать историю своего мира. Мира, которого больше не существовало. Лишь только они втроем, повинуясь неведомой игре свыше, остались существовать на когда-то зеленой планете.

Сложно сказать, что именно больше всего угнетало их. Одни в целом свете – Атикин ведь еще, к счастью, не мог понять ужас этого – мужчина и женщина отважно готовились встретить очередной новый день.

Рассказывая перед сном сыну одну из историй прошлого, Йескела всякий раз пытался выполнить клятву, которую они дали когда-то друг другу вместе с Анири. Ни о чем больше не вспоминать, не оплакивать то, чего уже никогда не будет. Но куда, кто знает, куда же деться от воспоминаний? Будоражащих сердце картин счастливого прошлого, которые, как кадры из кинохроники, проплывали перед глазами, стоило лишь смежить веки. За какой дверью спрятаться от воспоминаний? Йескела ненавидел двери. Если бы не та проклятая дверь, они, возможно, находились бы сейчас вместе с остальным человечеством. Неважно, что в не бытии, главное – не одни, а вместе. А все эти двери...

В тот по-летнему солнечный осенний день всем было как-то особенно тревожно. Конечно, в самое плохое никто до конца так и не верил. Однако задолго до объявленных четырех часов дня город словно вымер: все бомбоубежища и подвалы оказались переполненными, народ, как в муравейник, живыми потоками и ручейками стекался в метро. Йескела с Атикином дождались Анири, чтобы вместе спуститься в метро на станции «Комсомольская». Подойдя к эскалаторам, они поняли, что пробиться вниз им попросту не удастся. Толчея стояла невероятная, и не только станция, но и сами линии метрограма кишели уставшими горожанами. Тут Атикин заметил открытую дверь, одну из тех загадочных дверей в подземках метрополитена, что так привлекают детей. Сколько раз, проходя с матерью или отцом мимо таких вечно закрытых дверей, он думал: а что же там, за дверью? Несметные сокровища, потайной лаз? Вот и сейчас Атикина просто распирало от желания узнать, что же там, за этой дверью. Он потянул за руку отца. Йескела устремился в открывшуюся брешь, и людской поток притворил створку двери за отцом и сыном. Оказалось, там – всего-навсего лифт. Странно, но, судя по настенной панели, отсчет этажей начинался с нулевого. Они вошли в обшитую сталью кабину. «Я так полагаю, - с усмешкой сказал Йескела, - нам нужно как можно ниже». И Атикин, сидя на руках у папы, нажал самую верхнюю кнопку – «-9». Лифт тронулся.

Уже где-то с год, с конца прошлого лета, в мире судачили о неизбежной грядущей катастрофе. Сверхдержавы никак не могли договориться, и регулярно поступали угрозы нарушить мир. Оружие невиданной поражающей силы являло реальную угрозу для всей планеты, и оставалось лишь молиться за то, чтобы оно не попало в преступные руки. И чтобы преступные замыслы не овладели сильными мира сего. Телевизионные новостные

блоки смотреть стало под силу разве что обладателям «железных» нервов. Казалось, всем было ясно: конец неотвратим. Но мало кто действительно в это верил. Слишком невероятным казался факт, что жизнь миллиардного человечества на огромной планете так просто уничтожить. Даже когда в ряде стран Европы объявили ЧС, а кое-где стали выделяться колоссальные суммы на противорадиационную защиту, люди со смехом пережидали дома учебные «тревоги», не обращая внимания на тренировочные оповещения. И лишь недавнее выступление президента слегка поколебало человеческое безразличие. Жители близлежащих к бомбоубежищам домов теперь исправно отсиживали в них пятнадцать минут учебной тревоги. Остальные продолжали твердо верить: не может весь мир в одночасье рухнуть, да и при наихудшем раскладе вряд ли что-то сможет спасти от ядерного взрыва. Но раз за разом страх и сомнение атаковали все новые сердца, и бомбоубежища заполнялись уже целиком.

Лифт остановился, металлические двери открылись. Атикин с родителями вышли из узкой клетки. Почувствовалась прохлада. На уши словно что-то слегка давило. «Давление воздуха», - подумала Анири.

- Интересно, как глубоко мы забрались? – спросила мама Атикина.

- Ну, если все этажи высотой примерно, как этот, - Йескела оценивающе прищелкнул языком, - до белого света метров сорок, не меньше.

Атикин, ежась от неожиданной прохлады, хлопал удивленными глазами, озираясь вокруг.

- Что, малыш, столько еды ты еще не видел? – засмеялась Анири.

- Так вот чем они собираются нас кормить в случае катастрофы! – присвистнул Йескела.

Помещение довольно внушительной площади было просто забито продовольствием. От банок, упаковок и бутылок рябило в глазах. Да и тюков с одеялами, палатками и противогазами было предостаточно. Ассортимент представленного продовольствия и других самых разнообразных вещей намного превышал тот, что можно встретить лишь в самых крупных магазинах. Коробки с провизией сменяли свертки с одеждой. То и дело попадалась хозяйственная бытовая утварь, начиная от спичек и заканчивая лопатами.

- Неужели все так серьезно? – оглядывая внушительные штабеля из провианта и прочей снеди, задумчиво произнесла Анири.

- Да это наш стратегический запас, паникерша! – попытался было шутить Йескела. Его смех слишком пронзительно и совсем невесело прозвучал в нависшей тишине.

Они просидели там бесконечно долго. Десятки раз обойдя вокруг высящихся железных полок, забитых провизией, Анири рискнула открыть упаковку сока, чтобы утолить жажду. Йескела, оставив бесплодные попытки открыть дверцы лифта всеми подручными средствами – а кнопки лифта на стене просто не существовало – мерил шагами железный пол. Лишь Атикин спокойно спал на разостланных армейских одеялах. Над сыном Йескела соорудил навес, чтобы избавить его от бьющего в глаза немигающего света флуоресцентных ламп.

...В первый момент после взрыва они далеко не сразу поняли, что же произошло. Свет тревожно мигнул и погас, в ту же секунду пространство пронзил отчаянный вой сирены. Заплакал в страхе Атикин. Анири бросилась к сыну. Йескела интуитивно рванулся в сторону полок, где, где, как ему показалось, он видел фонари.

- Что случилось? Что это? – в тревоге спросила Анири.

- Не знаю. Может, здесь так срабатывает, когда наверху объявляют тревогу? Черт возьми, да что же это такое... - начал Йескела.

И тут они почувствовали нечто неопределимое. Как – будто к ним приближалась волна. Волна, которая, казалось, где-то всколыхнула землю и, набирая силу, неумолимо приближалась к ним. Наполненное подземной прохладой помещение за считанные секунды раскалилось. Атикин заревел, размазывая ручками слезы по лицу. Анири сжала руку мужу:

- Я боюсь! Это что, все? Конец?

Ответить жене Йескеле не дал чудовищной силы толчок, который поглотил их сознание. Звуки падающих предметов, гул и вой сирены – это лишь они запомнили, прежде чем окончательно потерять сознание. Все вокруг пришло в движение и Йескела, подмяв под себя жену и сына, ничком упал на одеяло.

... Морские волны, что-то беспрестанно шепча, ласково плескались у ног Йескелы. Белые хлопья пены мягко подбирались к пальцам, неожиданно врезаясь в ступни и причиняя дикую боль.

- Йескела! Идем купаться, идем! – звала, полуобернувшись Анири. Мгновение, и она скрылась в воде.

Анири действительно звала мужа, пытаясь привести его в чувство. Тряхнув головой и скривившись от боли, тот, наконец, пришел в себя. И тут же застонал от дикой боли, пронзившей ноги. Йескела оказался придавлен огромным железным стеллажом, который

как раз покоился на его нижних конечностях. С огромным трудом Анири удалось чуть приподнять стальную глыбу. Йескела освободил ноги.

- Где Атикин? – Йескела озирался по сторонам, выхватывая из темноты с помощью фонаря куски пространства, поверженного в хаос. Анири шарила в темноте, и ей удалось в конце концов нащупать рукой ручонку сына. Ребенок лежал совсем рядом со свалившейся невесть откуда железной балкой, лишь только чудом не придавившей его. Дыхание малыша было прерывистым, беспокойным. Йескела, стараясь не светить прямо в лицо сыну, направил фонарь на стену. Лицо Атикина было застывшей маской, в глазах – ни слезинки.

- Атикин, мы с тобой! Мама с папой с тобой! – прошептала Анири. Она гладила малыша по щекам, целовала в лобик, нос, губы. Ребенок задрожал, его начало колотить.

- Да он в шоке. Он в шоке! – воскликнул Йескела.

- Тише! – Анири баюкала мальчика, взяв на руки и покачивая легонько. Постепенно Атикин успокоился, задышал ровнее, а потом и вовсе заснул. Задремала, ошеломленная и уставшая, и Анири.

Непонятно было, час прошел или год. Время, казалось, перестало вести отсчет. Пол и стены раскалились, и Атикин с Анири сидели теперь на огромных мешках с ватными одеялами. Пот струился по щекам; Атикин, весь мокрый и красный, непрерывно хныкал.

- Да как же нам выбраться отсюда! – в гневном отчаянии уже в который раз выкрикнул Йескела.

- Успокойся, дорогой, - начала было Анири. Но Йескела, доведенный до предела собственным бессилием, будто взорвался: он начал крушить все, что подворачивалось под руку, ломать и валить то, что был в силах сдвинуть с места. Фонари, которые они смогли найти и сложили вместе, чтобы получить мощный источник света, разлетелись в разные стороны и высвечивали клочки пространства. Затихший было от удивления Атикин с новой силой ударился в плач.

- Хватит! Прошу тебя, хватит! – судорожно вскричала Анири. Хватит, - тихо сказала она, всхлипнув.

Йескела, отшвырнув от стены колоннаду каких-то коробок, в исступлении ударил кулаком по железу.

Неожиданно пространство озарилось светом, который обжигающими лучами брызнул в глаза. Атикин зарыдал, отчаянно растирая кулачками глазницы. Все вокруг смешалось, поверженные в хаос вещи навалились друг на друга. Будто смерч пронесся в помещении,

все вокруг было в беспорядке. Горы ящиков, коробок, банок и тюков громоздились в пространстве. От наступившей тишины заложило уши. Анири с Йескелой озирались по сторонам.

- Что дальше? – тупо спросил отец Атикина.

Посидев в молчании, мужчина и женщина принялись разгребать завалы подле себя, пытаясь расчистить жизненное пространство. Было очень жарко. Утомленные тяжелой работой, пленники подземелья уснули. Их привел в чувство плач сына. Свет все так же неистово жег глаза. Атикин плакал, видимо, проголодавшись. Порыскав кругом, Анири открыла какое-то детское питание – консервы и пюре - и накормила ребенка. Тот затих.

- Что же нам делать дальше? – еще раз спросил Йескела.

- Может, искать выход? – предложила Анири.

Они принялись отодвигать от стен ящики, стеллажи, полки. Всюду были стальные стены, все еще хранившие тепло. Ломая ногти, супруги продолжали свое дело, не в силах придумать ничего иного. Затем Анири спросила:

- Дорогой, а что, если нам опасно куда-то отсюда выходить?

- И что, ты предлагаешь сидеть здесь до скончания дней? – взорвался было Йескела.

Помолчав, он добавил уже гораздо спокойнее:

- Пожалуй, ты права.

Тут они поняли, что тоже голодны. Подкрепившись найденными припасами, которых всюду было в избытке, мужчина и женщина попробовали поразмышлять над создавшимся положением. Обнаружив, что часы его остановились, Йескела попытался их завести. Ничего не вышло.

- Дохлый номер! – подсадовал он. Нужно как-то отмерять время, иначе мы сойдем с ума в неизвестности. Раздобыв ручку, Йескела разметил календарь на куске картона, и затем они с Анири стали отсчитывать минуты, слагая их в часы. На третий день ориентироваться в счете стало легче. Супруги продолжали разбирать завалы, укладывая вещи в стопки, одновременно понемногу освобождая стены в огромной комнате. Атикин проводил время, наблюдая за родителями, или же играя тем, что попадет под руку: деревяшками, баночками, невесть откуда взявшимся надувным мячом. Разбирая завалы, Йескела не уставал поражаться продуманности тех, кто оборудовал их склад. Здесь было все, что только можно было себе представить. Казалось, многотысячная армия с легкостью могла бы выступить в поход: в избытке была провизия, обмундирование, палатки, одеяла...

Имелись и средства химической защиты. Как - будто их теперешнее положение кто-то предвидел заранее. Анири же устраивала свое «хозяйство», обнаружив и швейные принадлежности, и кухонную утварь, и даже ящики с черноземом и пакеты с семенами растений.

Через две недели они смогли закончить свою работу. Оставались лишь огромные железные стеллажи, которые мужчина и женщина просто не в силах были сдвинуть с места. Устало опустившись на пол, Йескела безразличным тоном произнес:

- Мы не нашли выход. Его просто нет.

- Но ведь мы смогли попасть сюда, - возразила Анири, - нужно вспомнить, где находилась та дверь, через которую мы сюда вошли. Вручную обшарив помещение и вновь ничего не обнаружив, родители Атикина впали в уныние. Йескела бездумно рассматривал железные рейки стеллажей у одной из стен. И вдруг воскликнул:

- Анири! Здесь дверь, Анири!

Не веря себе, он ощупал стену и глухая железная стена, казалось, поддалась ему. Там действительно была дверь, будто замаскированная балками стальных шкафов. Она была не заперта, но стальной проем перекосялся, и дверь не открывалась. Пришлось Анири прийти на помощь мужу. Супруги догадались воспользоваться железным прутком – ломом, и дверь, проскрипев что-то недовольно, все же отворилась.

За дверью была лестница, только и всего. Но для троих пленников, томившихся в неизвестности глубоко под землей, она значила все: надежду на спасение, путь домой.

Анири быстро сказала:

- Я за ребенком.

Но Йескела остудил ее пыл:

- Ждите меня здесь, надо сперва посмотреть, что нам, наверху, - мужчина в одиночку начал подниматься по лестнице. Анири, подхватив Атикина, ждала у первой ступеньки. Шаги мужа становились все тише.

Преодолев последний пролет, Йескела вновь оказался перед дверью. Потянув ее на себя, мужчина «впустил» внутрь изрядное количество земляных комьев. Выход наружу был надежно засыпан. Йескеле пришлось вернуться, взять лопаты, и вот они с Анири начали отшвыривать комья красноватой земли. Атикину ничего не оставалось, как наблюдать за родителями, сидя прямо на полу. Они работали, как заправские землекопы, довольно долго. Анири старалась не показывать мужу, как ей нелегко. Но вот впереди показался

свет. Спустившись вниз и надев противогаз, Йескела продолжил копать один. Создаваемый им лаз был узок, и ему пришлось потрудиться, чтобы выбраться наружу.

Наконец, после долгих часов упорного труда и нескольких перерывов на отдых, Йескела стоял на поверхности земли. В лицо ему дул знойный ветер. Глаз вплоть до горизонта, куда ни глянь, фиксировал одну и ту же картину: всюду расстилалась кочковатая красная степь, кое-где поднимались клубы дыма. Ни деревца, ни живого существа Йескела не заметил. Хмуро сияя, багровое солнце на небе с удивлением, казалось, приветствовало опустошенно озирающуюся по сторонам одинокую фигуру человека.

Сквозь противогаз Йескела с трудом вдыхал ставший видимым красноватый воздух, под ногами осыпалась пылеобразная, вместе с тем комковатая грязно-серо-бурая земля. И ничего больше не было вокруг, куда не кинешь взгляд. Вскоре Йескела почувствовал, что задыхается. С трудом вернувшись к лестнице, он упал, потеряв сознание. Очнулся Йескела гораздо позже. Гортань непереносимо жгло. Мужчина огляделся. Он лежал внизу, на одеялах, рядом сидела встревоженная Анири.

- Слава Богу, ты в порядке! Воскликнула она, прижав к себе мужа. Но Йескела не был совсем в порядке. Дышать было трудно, говорить – невозможно в принципе. Любое движение языком приносило невероятную боль. Супруги поняли, что им нельзя выходить наверх – туда, куда они отчаянно стремились все это время. Потекли недели заточения. Анири выкармливала мужа жидкой кашей через соломинку, давая ему обеззараживающие препараты их большого бокса с лекарствами. Женщина вела календарь, следила за сыном и не отходила от мужа. Ее пугали последствия того воздействия, которому подвергся муж на земле, и она боялась оставить его даже на минуту. Но Йескела поправлялся. Через пару недель к нему вернулся голос. Обсудив ситуацию, супруги решили не предпринимать больше попыток вернуться наверх, и, законопатив как следует дверь, стали обустраивать свой новый дом, ведь неизвестно, сколько им еще придется здесь находиться. Постепенно комната приобретала жилой и даже ухоженный вид. Стараниями Анири стало уютно. Еды, благо, хватало. А чтобы не сойти с ума от окружающей их действительности, супруги читали книги. Их здесь было валом, целая библиотека. Атикин стал настоящим благодарным слушателем. Он не мог понять тревоги родителей, и обстановку вокруг воспринимал естественно. Мама с папой были рядом, он был сыт и в тепле. Он, в отличие от родителей, вроде бы ничего и не потерял.

Лишь через пару месяцев Йескела решился на повторную вылазку. По мнению Анири, он все же рисковал. Но мужчина больше не мог выносить бездействия. Желание выбраться на